

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

в историографии сегодняшнего дня

**Сборник
материалов
конференции**

Санкт-Петербург, 2024

II. СТАТЬИ

В. В. Калашников

«История России». Том XI: Великая Российская революция как иррациональный бунт «охлоса»

К истории подготовки XI тома

Бунт «охлоса» – именно такую трактовку революции предложил историк В. П. Булдаков – единоличный ответственный редактор и главный автор XI тома двадцатитомной академической «Истории России», издаваемой в настоящее время под эгидой ИРИ РАН¹. Для специалистов это не было неожиданным, поскольку еще в середине 1990-х гг. В. П. Булдаков стал автором современного варианта концепции «красной смуты», трактуя революцию как «буйство коллективного бессознательного», «погромную реакцию того, кому нечего стало терять»². Затем последовал ряд публикаций, где он развивал разные аспекты этой концепции, выражая их в названиях работ: «Хаос и этнос», «Утопия, агрессия и власть», «Революция и погром» и др. Усилиями В. П. Булдакова в историографии сложилась своего рода *иррациональная парадигма*³ в трактовке истории Русской революции, в рамках которой при объяснении ключевых событий акцент делался на фактор «бессознательного», на «психопатологические настроения масс», а сама революция рассматривалась как «хаотическая стадия системного кризиса имперского организма», в основе которой лежала «стихия протестного бунтарства»⁴. Особенность позиции Булдакова – акцент на разрушительный аспект Русской революции: «Революции начинаются с эйфории, заканчиваются фрустрацией»⁵. Эта фраза показывает явное игнорирование созидательного аспекта Русской революции – Октябрьского итога, который создал на принципиально новой социально-экономической основе инструмент ускоренного развития страны, критически необходимого в условиях XX века.

¹ История России: в 20 т. Т. 11: Империя, война, революция. Россия, 1914–1917 годы. В 2-х книгах. М.: Наука, 2024. Далее сноски оформлены по шаблону: Т. 11. Кн. 1 и Т. 11. Кн. 2.

² См.: Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М. 1997. С. 284, 350; Его же. Октябрь и XX в.: теории и источники // 1917 год в истории России и мира. Часть 2. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М. 1998. С. 23–24.

³ Все выделения в тексте за исключением особо оговоренных сделаны автором статьи.

⁴ Т. 11. Кн. 2. С. 18.

⁵ Там же. С. 508.

К сожалению, эта трактовка заняла видное место в главах двухтомной коллективной монографии «Российская революция 1917 года: власть, общество, культура», изданной в юбилейном 2017 г. под редакцией Ю. А. Петрова, директора ИРИ РАН. В монографии В. П. Булдаков оценивал революцию как традиционный русский бунт, «характерное ... соединение провокации и анархии, утопии и психоза»⁶. Надо отметить, что целый ряд других авторов юбилейной монографии не разделял такую трактовку, но прямо против нее никто не выступил. Более того, директор ИРИ РАН оказал концепции бунта «охлоса» неосторожную поддержку, назвав в вводном разделе монографии научным достижением последних лет вывод о том, что зима–весна 1918 г. была не периодом «триумфального шествия Советской власти», а временем «торжества военизированной *охлократии*»⁷. Такой вывод придал вес концепции бунта «охлоса», хотя на деле никаким научным результатом не являлся и противоречил позиции ведущих специалистов по проблеме, которые в той же монографии писали: «к весне 1918 г. завершилась советизация большей части территории страны. <...> именно советская модель стала объективной реальностью, дав *основание* для классической впоследствии формулы о «триумфальном шествии Советской власти»⁸. Тем не менее, тот факт, что ответственный редактор коллективной монографии поддержал позицию В. П. Булдакова, придавал ей официальный характер.

Автор этих строк, как и многие его старшие коллеги по «ленинградской школе» историков революции, уже в 1990-е гг. негативно оценил концепцию «красной смуты», видя в ней одно из многочисленных проявлений конъюнктурного подхода в среде бывших советских историков, но в целом спокойно реагировал на *персональные* труды В. П. Булдакова, отмечая его эрудицию, способность по-иному взглянуть на многие проблемы, и исходя из того, что каждый историк имеет право на собственную точку зрения, какой бы она не была. Однако ситуация с двухтомником – авторитетной *коллективной* монографией по истории Русской революции, изданной от имени ИРИ РАН, заставила автора уже в 2021 году выступить с открытой критикой ряда позиций В. П. Булдакова⁹. Получив известие о том, что В. П. Булдаков, являясь ответственным редактором XI тома, представил макет, написанный на основе концепции «смуты», автор этих

⁶ Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. В 2 томах. Т. 2. М., 2017. С. 24, 25.

⁷ Там же. Т. 1. М., 2017. С. 10–11.

⁸ Там же. С. 539.

⁹ Калашников В. В. Русская революция: ключевые решения. СПб., 2021. С. 283–285.

строк осенью 2023 г. написал статью, где подверг критике целый ряд положений двухтомника 2017 года, сосредоточившись на тексте вводного очерка, подписанного Ю. А. Петровым и содержащего целый ряд идей В. П. Булдакова. Цель критики состояла в том, чтобы побудить директора ИРИ РАН отказаться от поддержки концепции историка В. П. Булдакова и не допустить выхода XI тома в представленном варианте. В статье предлагалось обсудить макет тома в кругу специалистов и указывалось на тот негативный отклик, который неизбежно получит в обществе уже сам факт трактовки Русской революции как «смуты» и иррационального «бунта» в рамках столь важного государственного проекта¹⁰. Статья была представлена и обсуждена в марте 2024 г. на научном семинаре «История революций и общественного движения в России», проводимом отделом СПБ ИИ РАН. В ходе семинара автор публично пригласил к дискуссии Ю. А. Петрова и В. П. Булдакова¹¹. Однако эти предложения не были приняты. Позже стало известно, что в ходе обсуждения макета XI тома на заседании редакционной коллегии ряд ее членов также высказали свои возражения, но и они не были учтены.

XI том и новая версия «красной смуты»

В итоге осенью 2024 г. читатель получил XI том, в котором Первая мировая война и Русская революция трактуются в рамках иррациональной парадигмы, а концепция «красной смуты» приняла более жесткую форму и превратилась в концепцию бунта «охлоса». Впрочем, на первый план она не выпячивалась и прямо не формулировалась, что, видимо, стало результатом критики, которую получили главы Булдакова в двухтомнике 2017 года.

Тем не менее в XI томе Русская революция представлена как борьба демократии и охлократии, которая закончилась победой охлократии. Борьба двух начал получила отражение уже в названии 5 главы 2-й книги тома, посвященной революционному 1917 году: «*Демократия перед лицом охлократии*». Вот характерные цитаты из этой книги:

«...крестьяне были далеки от каких бы то ни было *рациональных* идейно-политических установок»;

¹⁰ Калашников В. В. Новейшая историография Русской революции // Россия в эпоху революции и Гражданской войны: советская и постсоветская историография: СПб., 2023. С. 130, 140, 163.

¹¹ См. видеозапись доклада, сделанного 23 марта 2024 г. в ходе семинара, проведенного отделом СПб. ИИ РАН (руководитель Н. Н. Смирнов): <https://www.youtube.com/watch?v=Avp7pgwZzLY&t=2s>

«на фоне российского *охлоса* даже радикальные в прошлом фигуры просто терялись»;

«Ошибались все те, кто недооценивал живучесть вирусов российской *смуты* и пребывал в убеждении, что *охлос* XX века представляет собой некую новую, более высокую цивилизационную ступень»¹².

Концепция бунта «охлоса» в XI томе получила и другую версию, суть которой выражает следующая фраза автора текста: «Хам предстал синонимом *воцарившегося охлоса*»¹³. Этот вывод В. П. Булдаков сделал, интерпретируя одно из высказываний Константина Бальмонта. Понятно, что сам автор не формулировал такого отношения к народным массам от себя лично. Он использовал цитаты из дневников современников – представителей «образованного общества», потрясенных кризисными реалиями 1917 года, которые лишили их прежнего благополучия. Ниже приведен ряд цитат, взятых лишь с *одной* страницы XI тома:

«В своем дневнике Н. В. Устрялов заявлял: "Будь тысяча раз прокляты все эти солдатские депутаты, вся эта тупая и невежественная муть, эти господа сегодняшнего дня, – хамы пришедшие"».

«Писательница Р.М. Хин-Гольдовская возмущалась: "И какой же хам русский "всечеловек". Хам, трус, предатель..."».

«Все громче звучали опасения, что "обнаглевший до последней черты и во всю развернувшийся, хам... "слопает" нашу молодую свободу».

Приведя эти цитаты, В. П. Булдаков делает вывод: «Так, еще до прихода большевиков возник образ "хамодержавия"»¹⁴. Отметим, что он не упрекает авторов этих цитат в односторонней субъективной оценке событий, не высказывает к ним негативного отношения. Приведенные цитаты не уравновешены другим материалом, который бы показывал отношение к происходящим событиям сторонников революции, их надежды, цели и чаяния. Откровенно говоря, такая позиция Булдакова как историка сильно повлияла на автора эти строк и заставила его пересмотреть прежнее отношение к нему. Она вызвала желание дать отпор тому, кто в столь негативном свете изображает рабочих и крестьян России, поднявшихся в 1917 г. на борьбу за свое социальное освобождение и построивших великое государство, которое смогло сокрушить гитлеровскую Германию и

¹² Т. 11. Кн. 2. С. 189, 426, 428.

¹³ Там же. С. 125.

¹⁴ Там же. С. 511.

спасти славян Восточной Европы (прежде всего русских, украинцев и белорусов) от расового закабаления и уничтожения.

Выявив суть концепции, положенной в основу XI тома, важно подчеркнуть следующее: эта концепция не доказана конкретно-историческим материалом. Все «аргументы» сведены к свидетельствам противников революции и указаниям на уголовные преступления, число которых стало расти уже после начала мировой войны и, естественно, резко увеличилось после Февральской революции, сломавшей старую охранительную систему. Однако изучение ключевых событий революционного 1917 года уже давно привело мировую историографию к выводу, что события революции представляли собой в целом вполне рациональную реакцию масс на политику правящих кругов, хотя порой эта реакция и сопровождалась локальными эксцессами. В любой революции есть экстремисты, но не они определяли ее характер. Именно так события Русской революции трактовали не только советские, но и многие видные зарубежные историки, включая крупнейшего британского историка Эдварда Карра, автора классического трехтомника «Большевистская революция»¹⁵, и крупнейшего американского историка Алекса Рабиновича, автора блестящих книг по истории борьбы большевиков за власть, написанных на основе тщательного анализа широкого круга архивных источников¹⁶. Такая же трактовка присутствует и в ключевых статьях о Русской революции, размещенных в авторитетных энциклопедических изданиях: в них нет терминов, характерных для концепции Булдакова. Одной из новейших энциклопедий, специально посвященной нашей стране, является «Кембриджская история России». В главе о Русской революции акцент сделан на «необычно высокий уровень классовой сознательности рабочих»¹⁷. В энциклопедии «Британника» в новейшем онлайн-издании помещена обширная статья по истории Русской революции. Она не свободна от некоторых ошибок и предвзятости по отношению к большевикам, но события трактуются в рациональной парадигме, отрицающей все принципы концепции Булдакова¹⁸.

¹⁵ Carr E. H. The Bolshevik Revolution, 1917–1923. 1–3 vols. New York, 1950–1953.

¹⁶ Рабинович А.: 1) Большевики приходят к власти. М.: Прогресс, 1989; 2) Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М.: Новый хронограф, 2008.

¹⁷ The Cambridge History of Russia. Volume 3. The Twentieth Century. Cambridge University Press, New York, 2006. P. 120–121.

¹⁸ Russian Revolution // Britannica. Online version:

<https://www.britannica.com/topic/Russian-Revolution-Russian-history/> (Дата обращения: 12 декабря 2024 г.)

В силу очевидного несоответствия конкретным фактам истории, концепция бунта «охлоса», рожденная современниками уже в самом 1917 г., никогда не занимала видного места в мировой и отечественной историографии. Однако столь неожиданное появление новой версии этой концепции в качестве главной в XI томе многотомной академической «Истории России» меняет ситуацию и дает ей право претендовать на высокий научный статус. По нашему мнению, такую ситуацию следует немедленно исправить. Но для того, чтобы эта задача была понятна тем руководителям многотомного проекта «История России», которые не являются специалистами по истории 1917 года и даже физически не могли прочесть 1700 страниц чрезмерно «раздутого» XI тома, необходимо предоставить качественный критический анализ тех проблем, которые возникают в связи с его выходом в таком виде.

Предлагаем первые наброски такого анализа. Они касаются ряда проблем общего характера.

Критический анализ: общие проблемы

Концептуальная несовместимость. Первая проблема – это проблема совместимости, точнее – концептуальной несовместимости XI тома со смежными томами двадцатитомника. Практически одновременно с этим томом вышел XII том, который посвящен истории Гражданской войны в России. Все материалы XII тома выдержаны в рамках традиционной рациональной парадигмы, что также не стало неожиданностью. Ответственные редакторы тома, видные историки В. И. Голдин и В. В. Кондрашин – давние и открытые противники концепции «красной смуты» и «бунта охлоса». Они были одними из тех членов редакционной коллегии, кто критиковал варианты текста, представленные В. П. Булдаковым на обсуждение на стадии подготовки XI тома. В итоге XI и XII тома получились концептуально несовместимыми. Достаточно отметить, что авторы XII тома просто не используют термины, ключевые для концепции Булдакова: термины «хам», «охлос» и «психопатология» напрочь отсутствуют, термин «смута» можно найти только в ссылках на литературу (90 % случаев – ссылки на книги Булдакова), термин «бунт» применяется только для характеристики локальных событий и никогда не используется для общей оценки борьбы рабочих и крестьян России в эпоху Гражданской войны – самой тяжелой фазы Русской революции, если принять расширенную трактовку ее временных границ (1917–1922 гг.).

Вскоре проблема несовместимости еще более усложнится, поскольку в начале 2025 г. ожидается выход X тома академической «Истории России», ответственным редактором которого является весьма авторитетный историк, главный научный сотрудник ИРИ РАН В. В. Шелохаев. Его позиция хорошо известна хотя бы по третьему тому четырехтомного академического издания «Реформы в России» (2016). Шелохаев никогда не рассматривал Русскую революцию как иррациональный бунт, порожденный условиями мировой войны, и видел причины революции в *долговременной* неспособности царского правительства осуществлять реформы: «Многовековой груз постоянного запаздывания с объективно назревшими реформами, нежелание самодержавной, а затем и «обновленной» после революции 1905 г. власти считаться с мнениями и запросами общества вели ... к общенациональному кризису, который уже *не мог* быть разрешен мирным реформистским путем»¹⁹.

Иными словами, после выхода X тома станет очевидной следующая неприятная ситуация. Три тома, которые трактуют три смежных периода истории России (1890–1914 – X том; 1914–1917 – XI том; 1917–1922 – XII том), написаны с разных концептуальных позиций. И они несовместимы. Напомним, что по замыслу заказчика, т. е. российского государства, проект создания двадцатитомной академической «Истории России» предназначен для того, чтобы представить в рамках единой концепции самые авторитетные и хорошо аргументированные трактовки ключевых этапов Российской истории. Трактовка Русской революции, доминирующая в XI томе, прямо противоречит этим требованиям. Она явно выбивается из общего ряда ранее вышедших томов двадцатитомного проекта, которые написаны на основе традиционной рациональной парадигмы. В этой связи особый интерес представляет первая книга V тома, которая охватывает первую половину XVII в., включая эпоху, получившую у современников и потомков название «Смутное время». Авторы книги рассматривают эту эпоху как гражданскую войну, сопряженную с иностранной интервенцией и обусловленную широким спектром вполне понятных и весомых причин (от династического кризиса до голода, вызванного неурожайными годами). На фоне V тома XI том – с его акцентом на иррациональную трактовку Русской революции – смотрится аномалией. Он не может служить ни

¹⁹ Реформы в России. С древнейших времен до конца XX в.: В 4-х т. М.: Политическая энциклопедия, 2016. Т. 3. Вторая половина XIX – начало XX в. С. 12, 764.

«фундаментальной базой для научных исследований», ни неким “*камертоном*” при подготовке учебных пособий для средней школы и вузов»²⁰.

Не «камертон» для учебников. И это тоже важная проблема, порожденная публикацией XI тома. Мне трудно представить себе преподавателя школы или вуза, который сегодня будет трактовать историю Великой Российской революции как иррациональный бунт «охлоса». Во всяком случае, в существующих учебниках такой трактовки нет. В феврале 2023 г. Минобрнауки разослало во все вузы страны *Концепцию* преподавания истории России для неисторических специальностей, которая содержала аннотацию основных тем, ключевые оценки и термины. В ней нет терминов «охлос» или «смута», а термин «бунт» применяется только к отдельным событиям в Московской Руси XVII века, следуя сложившейся традиции (Медный бунт, Соляной бунт, городские бунты). «Смутное время» начала XVII века трактуется как эпоха гражданской войны и интервенции, а не как «иррациональный бунт». О самом крупном протестном выступлении XVII века говорится так: «Казацко-крестьянское восстание под руководством Степана Тимофеевича Разина». Столь же сдержанно и уважительно говорится о социальных протестах XVIII века («стрелецкие восстания», «восстание под предводительством Емельяна Пугачева»). В разделе по истории первой русской революции, в ходе которой горело каждое десятое имение, нет термина «крестьянский бунт», не говоря уже о терминах «хам» и «охлос». Нет ни одного из терминов, ключевых в трактовке Булдакова, и в разделе по истории Русской революции 1917 года.

В сентябре 2024 г. Минобрнауки разослало в вузы страны новейший учебник, написанный на основе этой Концепции под редакцией директора ИРИ РАН Ю. А. Петрова. В нем также нет терминов «красная смута», «охлос», «охлократия», «патологические настроения масс» и т. п.

Таких терминов нет и в новейших учебниках для школ, изданных в 2023 году под редакцией известного историка В. Р. Мединского, академиков А. В. Торкунова и А. О. Чубарьяна²¹. Названные учебники свободны от того примитивного и агрессивного антисоветизма, который навязывался «соровскими» грантополучателями в 1990-е гг. Тексты соответствуют тому общему тренду, который в последние годы доминирует в деятельности Российского военно-исторического общества и Российского ис-

²⁰ По словам Ю. А. Петрова, сказанным на презентации проекта двадцатитомника, перед его авторами ставились именно такие задачи.

²¹ Мединский В. Р., Чубарьян А. О. Всеобщая история. 1914-1945. 10 класс. М. 2023; Мединский В. Р., Торкунов А. В. История России. 1914-1945 гг. 10 класс. М. 2023.

торического общества: учебники призваны формировать у учащихся чувство патриотизма и гордости за свой народ и свою страну. Эти задачи нельзя решить на основе той концепции революции (бунт «охлоса» и власть «хама»), которую предлагает ответственный редактор XI тома.

Методология: основные расхождения. Данный раздел статьи призван показать те расхождения методологического характера, которые существуют между ведущими мировыми историографическими концепциями Русской революции и концепцией В. П. Булдакова. Сделать это просто: в историографических очерках в первой и второй книгах XI тома он сам показывает эти расхождения, поскольку стремится представить себя ученым, сыгравшим особую роль в мировой историографии Русской революции, а также мировой войны, которой посвящена первая книга XI тома. Решая поставленную задачу В. П. Булдаков с удивительным высокомерием критикует советскую, постсоветскую и зарубежную историографию войны и революции, прикрывая свое высокомерие частичным признанием заслуг предшественников с акцентом на успехи зарубежных авторов. По его мнению, отечественные и зарубежные историки никогда не понимали сути событий 1914–1917 гг., поскольку игнорировали «область бессознательного» и не учитывали важности «психопатологического» фактора: *«Подавляющее большинство историков ... скользило по внешней поверхности событий, опасаясь заглянуть в глубины коллективного человеческого грехопадения»*. Булдаков назвал своих коллег «малодушными исследователями, следующими за нескончаемой политической риторикой и занудливыми моральными сентенциями», и вынес приговор: «Понять прошлое невозможно без проникновения в глубины людской психики»²². Сам он, естественно, «проник» в эти «глубины» и понял то, что другие понять не смогли. Вышеприведенная цитата хорошо отражает не только стиль научного «диалога», который Булдаков ведет с *«подавляющим большинством»* историков, но и суть историографического конфликта: большинство специалистов трактовали и трактуют Первую мировую войну и Русскую революцию в рамках рациональной парадигмы, а Булдаков считает это ошибкой и предлагает трактовать в рамках иррациональной. В общеевропейском плане он ставит задачу постичь «психосоциальную генетику скрытых ... мутаций сознания "среднего" европейца»²³. В отношении Русской революции проблема им уже разрешена: «открытие» состоит в том, что она была бунтом «охлоса», привела к власти «хама», завер-

²² Т. 11. Кн. 1. С. 7.

²³ Там же. С. 12.

шившись «фрустрацией». Свою концепцию Булдаков оценивает, как результат революционного поворота в историографии. Суть поворота: отказ от якобы поверхностной *политической* трактовки событий революции, которая заводит историографию в тупик, и переход к трактовке истории революции с *культурно-антропологических* позиций. При этом роль антропологического фактора историк в основном видит во врожденной агрессивности обычного человека, которая усиливается в определенной ситуации («демографический перегрев», «молодежный бугор» и т. п.): «многие авторы, включая западных, – пишет Булдаков, – все еще видят события 1917 г. в *партийно-политическом* свете»²⁴, в то время как «события войны и революции были заложены в глубинах человеческой психики с его старыми как мир социальными инстинктами, которые информационный "прогресс" превратил в агрегированную агрессивность»²⁵. Эта агрессивность, по мнению Булдакова, и определяла иррациональные действия «толпы», превращая революцию в «хаос», в бунт «охлоса», склонного к *насилию*.

Отметим, что односторонность этой позиции была очевидной даже самым молодым петербургским историкам (сказывалось еще не утраченное наследство «ленинградской школы» историков революции). Так, еще в 2014 г. *аспирант* СПбИИ РАН К. А. Тарасов опубликовал статью, где говорилось: «рассмотрение проблемы применения насилия позволяет зафиксировать некоторые более важные процессы, происходящие в обществе, нежели констатация «архаизации сознания», люмпенизации или возрастания роли насилия в повседневной жизни. Современные исследования показали, насколько *условным* является изображение действий толпы как *хаотической, бессмысленной стихии*. ... За видимой бессистемностью поведения важно обнаружить определенную внутреннюю логику»²⁶. И далее на конкретном материале автор показал неприменимость концепции иррационального бунта «охлоса» к действиям солдат воинских частей Петрограда и его окрестностей. Разбирая факты применения насилия в политической борьбе, он выявил вполне рациональный характер тех мотивов, которые порождали такие факты. Автор показал и то, что случаи насилия часто раздувались прессой и не находили реального подтверждения в источниках. Об отношении старшего поколения историков «ленинградской

²⁴ Т. 11. Кн. 2. С. 6–7.

²⁵ Там же. С. 731.

²⁶ Тарасов К. А. Проявления политического насилия в Петроградском гарнизоне в мае–июле 1917 г. // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 28.

школы» к концепции Булдакова достаточно красноречиво говорит тот факт, что они никогда не ссылались и, уж во всяком случае, не хвалили его работы.

Отметим нелепость противопоставления «политической» и «антропологической» трактовок истории революции. Антропологический фактор, который Булдаков понимает, как неполитическое «глубинно психологическое» поведение людей, на деле проявляется в их деятельности. В условиях революции эта деятельность, как правило, принимает и политический характер, который выражается в активной или пассивной поддержке той или иной политической партии. Какой бы «иррациональной смутой» не была Русская революция, ее развитие отражала и выражала борьба партий. Большевики завоевали массы готовностью воплотить крестьянское требование «Земли» и общенародное требование «Мира», которые только при большом желании можно считать иррациональными. Итогом Русской революции была не победа «охлоса» и не «фрустрация», а победа большевиков, предложивших стране, помимо идеи социальной справедливости, единственно реальный вариант решения экзистенциальной для России XX века проблемы: «догнать» развитые страны Запада «или погибнуть».

В этой связи отметим и отвергнем еще один аспект концепции Булдакова: тезис об «архаическом» характере Русской революции. Он трактует революцию как «взбунтовавшуюся архаику»; «синергетический вихрь, воссоздающий на фоне отчаянного отрицания прежнего порядка его же авторитарное *подобие*»; «неукротимый бросок за горизонты реальности», который «на деле, оказался лишь безумной гримасой хорошо забытого прошлого»²⁷. Этот тезис решает важную задачу, поставленную идеологами 1990-х гг.: он направлен на отрицание социалистического содержания Октябрьской революции как важного шага по пути общественного прогресса, имеющего общемировое значение. Для Булдакова Русская революция являлась не движением к современности («модерности»), а возвратом к «архаике» в новых одеждах. Из этой посылки вытекало еще одно важное «открытие» Булдакова: все отечественные и зарубежные историки в течение 100 прошедших лет *неправильно* классифицировали Русскую революцию, ставя ее в «европейскую матрицу»: в один ряд с буржуазно-демократическими революциями в Европе. «Великая российская революция, — пишет Булдаков, — попала в *ложный компаративистский* ряд, выстроенный на основе внешнего сходства. Отсюда столетняя «модерниза-

²⁷ Т. 11. Кн. 2. С. 21, 22, 739–740.

ция» ее *реалий* под европейскую ... матрицу»²⁸. С этих позиций он указывает на еще одну «ошибку» коллег по историческому цеху: «Феномен политического движения к *модерности* имплицитно управляет поведением значительной части историков, особенно российских»²⁹. Иными словами, не правы те, кто не видит в Российской революции и ее итогах победу «архаики». И действительно, практически все ведущие отечественные историки виновны в тех «грехах», о которых написал Булдаков, если признать их «грехами». Иными словами, вновь возникает проблема несовместимости позиции Булдакова с позициями авторов X тома и XII тома, и, видимо, с позициями авторов всех остальных томов «Истории России».

Тот же вывод можно сделать и в отношении учебников. Переадресуем упреки, сделанные Булдаковым, редакторам трех вышеупомянутых новейших учебников для школ и вузов, а именно академикам А. В. Торкунову и А. О. Чубарьяну, а также докторам исторических наук В. Р. Мединскому и Ю. А. Петрову, которые, не отрицая национальной специфики Русской революции, рассматривали ее в рамках «европейской матрицы» и не увидели в ней победы «архаики». Термина «архаика» применительно к 1917 году нет ни в одном новейшем вузовском и школьном учебниках. Тезис о неприменимости «европейской матрицы» к событиям Русской революции персонально адресуем академику А. О. Чубарьяну, который так много усилий приложил для обоснования концепции «русского европеизма» — феномена, сочетающего общие основы европейской культуры и цивилизации с особенностями России³⁰. Академик Чубарьян в новейшем школьном учебнике по всемирной истории — какой ужас — не отрицает социалистического характера советского строя, осмелился в позитивном ключе писать о роли СССР (детища Октября) в мировой истории и видеть в нашей стране фактор мирового общественного прогресса. Так, он прямо подчеркивает «определяющую роль» СССР в ликвидации мировой колониальной системы и прозрачно намекает на роль Октября в том, что «главной особенностью XX в. стало формирование социального государства». Более того, академик А. О. Чубарьян фактически признает Октябрь закономерным результатом развития мировой истории, заявляя, что «мир демонстрирует тенденции к *многополярности* политических систем и ва-

²⁸ Т. 11. Кн. 2. С. 6.

²⁹ Там же. С. 7.

³⁰ Чубарьян А. О. Европейская идея и Россия. М.: Просвещение, 2021.

риативности путей социально-экономического развития»³¹. Напомню о том, что в 1990-е гг. с подачи западных кураторов «соросовские» учителя навязывали совсем другие идеи, а именно: Октябрь – тупиковый путь развития. Сейчас уже мало кто готов под этим подписаться. Слишком очевидно, что Россия существует как независимое государство потому, что опирается на потенциал советского периода своей истории, для которого был характерен феноменальный рывок в развитии экономики, науки, образования и культуры. Нет сомнений в том, что концепция новейших учебников для школ и вузов как по своей методологии, так и по общему идейному звучанию, категорически противоречит концепции XI тома «Истории России», написанного одновременно с ними. В этой связи сложившаяся ситуация объективно требует принятия одного из двух решений: если считать, что XI том несет в себе весомый научный результат, то надо срочно переделать все новейшие учебники, если такого результата он не несет, то надо срочно переделать XI том.

О советской историографии. Булдаков часто обращается к советской историографии и так выражает свою общую оценку усилий советских историков: «Советскую историографию революции в России можно представить как цикл взлета и *падения* постреволюционного *мифотворчества*, которое неизбежно должно было иссякнуть по мере того, как «отрезвевшее» общество избавлялось от «обаяния утопии»³². Уничжительная оценка, данная Булдаковым советской историографии в XI томе, также серьезно повлияла на отношение к нему автора этих строк, который считает себя представителем «ленинградской школы» в изучении истории революции и не видит никаких оснований для отказа как от ее основных положений, так и от своих прежних взглядов. Очень трудно удержаться от соблазна использовать тезис о мифотворчестве для оценки постсоветского творчества самого В. П. Булдакова, работы которого долгое время не встречали надлежащего отпора, но их спорное «обаяние» уже явно проходит по мере того, как «отрезвевшее» общество избавляется от идеологического наследия «лихих 1990-х». Последняя фраза – не только ирония. Это и констатация того факта, что XI том написан с позиций грубого и агрессивного антисоветизма 1990-х гг., активно насаждаемого «сверху» на фоне криминальной приватизации «эпохи Ельцина», которая привела к полному разгрому промышленности и сельского хозяйства России. Однако к

³¹ Мединский В. Р., Чубарьян А. О. Всеобщая история. 1914–1945. 10 класс. Учебник. М., 2023. С. 7–10.

³² Т. 11. Кн. 2. С. 7.

настоящему времени опыт истории уже наглядно выявил деструктивный характер «эпохи Ельцина» во всех отношениях. Сегодня концепция Булдакова выглядит анахронизмом, реликтом ушедшей эпохи, в том числе и в историографическом аспекте. Отметим, что в других уже изданных томах многотомной «Истории России» преобладает уважительное отношение к советской историографии.

Порой редактор XI тома осознает нелепость огульного отрицания достижений советских историков и пытается упредить неизбежную критику позитивными оценками отдельных работ, не замечая нелепость этих оценок. Так, например, он высоко отзывается о работе московского историка Э. Н. Бурджалова, называя его двухтомное исследование истории Февральской революции «выдающимся»³³. Нелепость такой оценки работ Э. Н. Бурджалова устами Булдакова состоит в том, что концепция революции у Бурджалова принципиально противоположна концепции, данной в XI томе³⁴. Бурджалов никогда не трактовал революционный 1917 год как бунт «охлоса».

Весьма неуклюжим смотрится и такое, якобы позитивное, замечание в адрес советских историков: «Даже годы так называемого застоя ... не были бесплодными – исследователь склонен действовать "вопреки". Отмечалось, что многотомник И. И. Минца, коллективные труды "Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде" (1967) и "Революционный Петроград в 1917 году" (1977), а также работы П. В. Волобуева, В. И. Старцева, Ю. С. Токарева, А. Л. Фраймана, О. Н. Знаменского, В. Н. Гинева, Г. Л. Соболева, Е. П. Ерыкалова, И. А. Баклановой, З. В. Степанова, Т. М. Китаниной, В. Д. Поликарпова, В. И. Миллера, Г. З. Иоффе, А. П. Ненарокова, А. Я. Грунта, А. Е. Иоффе, А. В. Игнатьева и других составили *заметный этап* в изучении революции»³⁵. Эту оценку и список имен В. П. Булдаков взял из выступления члена-корреспондента РАН Р. Ш. Ганелина, сделанного в ноябре 2012 г. во время проведения петербургской межвузовской конференции по проблемам историографии Русской революции, приуроченной к 95-й годовщине Октября. Однако Булдаков изменил концовку фразы Ганелина: тот говорил не о «*заметном этапе* в изучении революции», а о «*дальнейшем этапе* в изучении Октябрьской революции», т. е. отмечал *поступательный* характер развития совет-

³³ Т. 11. Кн. 2. С. 9.

³⁴ Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967; Он же. Вторая русская революция: Москва. Фронт. Периферия. М., 1971.

³⁵ Т. 11. Кн. 2. С. 10.

ской историографии, не упоминая о фазе «падения»³⁶. Булдакова такая оценка не устраивала, и он ее «подправил», а затем сопроводил примечательным комментарием: «Действительно, они (упомянутые советские историки – В. К.) представили массу конкретного материала, которая, рано или поздно, должна была стать "критической"»³⁷. Иными словами, все перечисленные историки могли только *собрать*, но не *осмыслить* массу конкретного материала. Правильное осмысление истории революции, надо понимать, по силам только В. П. Булдакову. Поскольку речь идет об оценке научного вклада моих учителей и старших товарищей, большинства из которых уже нет в живых, не могу не высказать своего мнения по этому поводу: глубоко убежден, что труды представителей «ленинградской школы» в изучении революции 1917 года (прежде всего Р. Ш. Ганелина, О. Н. Знаменского, Г. Л. Соболева, В. И. Старцева) стоят много выше, чем труды нынешнего критика советской историографии. Ленинградские историки отличались и интеллектом, и интеллигентностью, и обоснованностью своих выводов: их доказывали, а не постулировали.

О марксизме. Критикуя советских историков, своих бывших коллег, Булдаков на протяжении всего XI тома постоянно высказывает свое отрицательное отношение к марксизму, к теории формаций, к истмату как общей теории истории, причем делает это в пренебрежительном тоне, как бы а priori исключая марксистскую трактовку революции из числа научных. При этом он всегда ее представляет заведомо примитивной с тем, чтобы избежать серьезного ответа на вопрос о том, почему исторический материализм неприменим для научного анализа истории Русской революции. Серьезный ответ Булдакову явно не по силам. Впрочем, порой он с сожалением признает тот факт, что, несмотря на «внешний разрыв с марксистскими догмами», их «скрытое воздействие» на его коллег «сохраняется до сих пор». Есть и такая реплика на этот счет: «Марксистский миф надолго сковал воображение *большинства* историков, включая антимарксистов»³⁸. Здесь мы опять сталкиваемся с тезисом о *большинстве* «глупых» историков и «умном» Булдакове, который разоблачает «устаревшие мифы». Закономерен вопрос: Булдаков действительно не замечает или сознательно игнорирует тот факт, что в современном мире большинство

³⁶ См.: Ганелин Р.Ш. Российский революционный процесс и его историографические судьбы // Межвузовская научная конференция «Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии». СПб., 2013. С. 12.

³⁷ Т. 11. Кн. 2. С. 10.

³⁸ Там же. С. 16, 18.

крупных историков работает в русле истматовской парадигмы, страхуясь при этом (в тех странах, где это необходимо) ритуальными указаниями на устарелость марксизма как революционной теории. Скорее, второе, о чем и говорят слова о влиянии «марксистского мифа» на «антимарксистов».

Непреходящее влияние «марксистского мифа» обусловлено реальными уроками истории. Как известно, одним из главных тезисов истмата является тезис о том, что отношения, которые складываются в процессе производства и распределения общественного продукта, выступают базисом по отношению к надстройке (господствующая идеология, политика, право, образование, культура и т. п.). При этом взаимодействие базиса и надстройки марксисты рассматривают в диалектическом единстве, отвергая примитивные трактовки марксизма как теории экономического детерминизма. Правильность марксистской теории на наших глазах подтверждена всей постсоветской историей России: после изменения в стране государственной формы собственности на частную изменились и все другие сферы общественной жизни. Достаточно вспомнить о том, какие резкие перемены произошли в сфере образования, культуры, морали, в семейных институтах и т. п. Серьезные историки, хотя и соблюдают «правила игры» в современном капиталистическом мире, правильно понимают уроки XX в. и не выказывают такого пренебрежения к истмату, как Булдаков. Его критика истмата носит убогий характер.

Не могу найти другого случая в исторической науке, когда кто-либо из историков претендовал на статус открывателя «истины», которую оказалось неспособно постичь «подавляющее большинство» его коллег за 100 лет. Если бы это было так, то постсоветскую отечественную историческую науку можно было бы поздравить с грандиозным успехом. Однако поздравлять не с чем. Как уже было сказано, особенность позиции Булдакова состоит в отсутствии весомых аргументов в пользу принятия его концепции «красной смуты» или бунта «охлоса». Иными словами, она несостоятельна, как и вся «иррациональная парадигма» при объяснении истории России.

Понятно, что сделанное выше утверждение требует конкретного обоснования, а это предполагает написание целой серии статей по ключевым сюжетам истории Русской революции. Автор этих строк уже начал эту работу.

В ноябре 2024 г. на Всероссийской научной конференции «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды», которая проходила в

РГПУ им. А. И. Герцена под руководством проф. А. Б. Николаева, был сделан доклад на тему «Новейшая историография Февральской революции: два тренда». В докладе проведен сравнительный анализ концепции Февральской революции, представленной В. П. Булдаковым в XI томе, и концепции Р. Ш. Ганелина – одного из самых ярких представителей «ленинградской школы» в историографии Февральской революции. На фоне работ Ганелина докладчик показал несостоятельность концепции бунта «охлоса» применительно к истории Февраля, ошибки, сделанные Булдаковым в описании ключевых событий Февральской революции, а также в трактовке позиций коллег, включая позицию проф. А. Б. Николаева, крупнейшего современного специалиста по истории Февральской революции³⁹. Этот доклад будет расширен и переработан в полноценную статью для сборника материалов конференции, выход которого запланирован на осень 2025 г.⁴⁰

В начале декабря 2024 г. автор этих строк сделал доклад на Международной научной конференции «Развитие парламентаризма: история и современность» («Таврические чтения»–2024). Тема доклада – «Новейшая историография истории созыва и роспуска Учредительного собрания». Учитывая основную проблематику конференции и заранее взятую тему доклада, автор доклада подверг критике ту трактовку истории роспуска Учредительного собрания, которая дана в XI томе. Показано, что Булдаков грубо искажает реальный ход событий и умалчивает о ключевых фактах и решениях, которые позволили большевикам безболезненно осуществить роспуск Конституанты. Присутствие такой заведомо слабой трактовки в XI томе наносит очевидный урон авторитету ИРИ РАН, под грифом которого вышел этот том. Для того чтобы усилить критический эффект, автор доклада привел отрывок из новейшего учебника для вузов, где история роспуска Учредительного собрания изложена принципиально в другом ключе и правильно. Доклад на «Таврических чтениях» также будет переработан в статью для сборника материалов конференции, выход которого запланирован на декабрь 2025 г.⁴¹

Наконец, в нынешнем сборнике материалов нашей ежегодной Санкт-Петербургской конференции по проблемам историографии, наряду с

³⁹ Николаев А. Б. Думская революция: 27 февр. – 3 марта 1917 г. В 2 томах. СПб., 2017.

⁴⁰ Текст доклада можно скачать по ссылке:

<https://etu.ru/assets/files/2024-12-vvk-doklad-ustch-final-isprav.pdf>

⁴¹ Текст доклада можно скачать по ссылке:

https://etu.ru/assets/files/vvk_konf-gercena_2024.pdf

настоящей статье, включена еще одна небольшая статья автора, в которой кратко рассмотрена трактовка Булдаковым причин Первой мировой войны, изложенная на страницах 1-ой книги XI тома. Эта тема – ключевая для всей концепции Булдакова, поскольку трактовка причин мировой войны самым существенным образом влияет на трактовку причин и результатов Русской революции. В присущей ему манере Булдаков отвергает доминирующую в мировой историографии трактовку причин войны как результата межимпериалистических противоречий, характерных для новой эпохи развития мировой системы капитализма. Следуя своей иррациональной парадигме, историк одной из главных причин мировой войны считает «агрегированную агрессивность» масс, которые якобы и толкнули политиков всей Европы на мировую бойню⁴². В докладе показана полная неспособность Булдакова доказать этот тезис, а также вскрыты причины, побуждающие его трактовать мировую войну как «столкновение культур», а не как конфликт империалистических держав, столкнувшихся в борьбе за передел мира.

В планах автора настоящей статьи стоит критический анализ глав XI тома, посвященных истории Октябрьской революции. Это ключевой сюжет, который предоставляет особенно широкие возможности для показа несостоятельности концепции Булдакова.

Предложение. В заключение статьи предлагаю руководству проекта двадцатитомной «Истории России» принять решение о подготовке новой версии XI тома, основанной на концепции, отличной от концепции бунта «охлоса», и с новым ответственным редактором. Это предложение позволит остановить общественный скандал, который будет набирать обороты по мере того, как все большее число людей будет знакомиться с содержанием XI тома и задавать вопрос: как такой том вообще мог появиться в рамках крупного государственного проекта. Если инициатива переиздания, а точнее – издания второй версии, XI тома параллельно с существующим первым вариантом, последует от РИО или ИРИ РАН, то её можно будет вполне резонно объяснить большой сложностью истории Русской революции, разным пониманием этого эпохального события историками и в обществе, и необходимостью учитывать это разное понимание. В декабре 2024 г. в ходе «прямой линии» президент В. В. Путин дал нам пример аккуратного отношения к сложным вопросам истории, отвечая на вопрос журналиста о захоронении тела Ленина по христианскому обычаю вне

⁴² Т. 11. Кн. 1 С. 11.

оценки его исторической роли. Президент отметил: «Когда-то, *наверное*, общество к этому подойдет, но сегодня, *особенно сегодня*, в России мы не должны предпринимать *ни одного шага*, который бы *раскалывал* наше общество»⁴³. Руководителям проекта двадцатитомной академической «Истории России» следует внимательно обдумать и ответить на вопрос: не является ли издание XI тома под редакцией В. П. Булдакова шагом, который может способствовать расколу нашего общества. И если ответ будет «является», то надо будет ответить и на второй вопрос: какие меры следует предпринять, чтобы нейтрализовать этот деструктивный шаг. Свой вариант ответа на эти вопросы автор этих строк предложил. В качестве аргумента в пользу такого ответа сошлемся на общеизвестные результаты целого ряда социологических опросов, проведенных в последнее десятилетие, которые стабильно показывают позитивное отношение большинства населения к советскому прошлому.

Нельзя не сказать и о том, что концепция «бунта охлоса», положенная в основу XI тома, порождает определенные опасения и в отношении последующих томов двадцатитомной «Истории России». Очень не хотелось бы получить серию томов, трактующих советскую историю как «охлос у власти». Келейность подготовки томов по истории советского периода не позволяет назвать такие опасения надуманными, а неизбежное повышенное внимание к их содержанию со стороны широкой общественности ставит авторов этих томов перед серьезным экзаменом.

⁴³ Итоги года с Владимиром Путиным.
<http://www.kremlin.ru/events/president/news/75909>